

В. И. ТЮПА

ДИСКУРСНЫЕ ФОРМАЦИИ

Очерки
по компаративной
риторике

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КУЛЬТУРЫ

УДК 80/81
ББК 83.3Р
Т 98

*Издание подготовлено в рамках Программы Президиума РАН
«Историко-культурное наследие и духовные ценности России»
и Интеграционного проекта СО РАН «Сюжетно-мотивные комплексы русской
литературы в системе контекстуальных и интертекстуальных связей
(общенациональный и региональный аспекты)»*

Редакционный совет серии:

*М. М. Гиришман (Донецкий ун-т, Украина), М. Н. Дарвин (РГГУ, Москва),
И. В. Силантьев (председатель, Ин-т филологии СО РАН, Новосибирск),
Ю. Л. Троицкий (РГГУ, Москва), В. И. Тюпа (РГГУ, Москва),
Ю. В. Шатин (Новосибирский гос. ун-т), В. Шмид (Гамбургский ун-т)*

Тюпа В. И.

Т 98 Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. —
М.: Языки славянской культуры, 2010. — 320 с. — (Коммуникатив-
ные стратегии культуры).

ISBN 978-5-9551-0447-8

Книга посвящена компаративному изучению культуры в коммуникатив-
ном аспекте. Тексты разнообразной природы рассматриваются как явления
дискурсивных практик общения, принадлежащих к различным типам мен-
тальности. Исследование носит междисциплинарный характер. Очерки теоре-
тического содержания дополняются практическими опытами компаративно-
дискурсного анализа, что представляет собой разработку проблематики и ме-
таязыка одного из перспективных направлений дальнейшего развития нео-
риторики.

ББК 83.3Р

*В оформлении переплета использована картина
В. Ван Гога «Звездная ночь» (1889)*

Валерий Игоревич Тюпа

ДИСКУРСНЫЕ ФОРМАЦИИ

Очерки по компаративной риторике

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор Т. Васянина. Оригинал-макет подготовлен Л. Гоготовой

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 14.10.2010. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1, печать офсетная,
гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 20. Тираж 800. Заказ № К-4315

Издательство «Языки славянской культуры». № госрегистрации 1037739118449.

Phone: 95-95-260 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Отпечатано в ГУП «ИПК «Чувашия». 428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

ISBN 978-5-9551-0447-8

© В. И. Тюпа, 2010

© Языки славянской культуры, 2010

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	7

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

<i>Очерк первый.</i> Менталитетная компаративистика	11
<i>Очерк второй.</i> Онтология коммуникации.....	49
<i>Очерк третий.</i> Актуальность неориторики.....	75
<i>Очерк четвертый.</i> Стадиальная типология дискурсных формаций.....	100
<i>Очерк пятый.</i> Дискурсные формации и компаративная нарратология	141
<i>Очерк шестой.</i> Теория как перформативная практика	168

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

<i>Очерк седьмой.</i> Ментальные кризисы культуры в компаративно-риторическом освещении (Жоашен Дю Белле и Булат Окуджава).....	183
<i>Очерк восьмой.</i> Классицистическая парадигма художественности и становление любовного дискурса.....	209
<i>Очерк девятый.</i> Два <i>Silentium</i> 'а и гомеровский гимн	239
<i>Очерк десятый.</i> Чеховский нарратив как дискурс ответственности.....	254
<i>Очерк одиннадцатый.</i> Метаболический дискурс Тейяра де Шардена	275
<i>Очерк двенадцатый.</i> «Диалог согласия» как неориторический проект Бахтина.....	294
<i>Вместо заключения.</i> Постмодернизм как ментальный кризис	307
Именной указатель	316

Предисловие

В последние десятилетия немало говорилось и писалось о недостаточной определенности компаративистики, о расплывчатости границ данной области научного познания, где неизгонимая позитивистская архаика тесно соседствует и переплетается и с методологическими откровениями XX столетия, и с постструктуралистской произвольностью.

Расхожим определением компаративистики является следующее: «сравнение двух или более литературных произведений, созданных в разных языковых культурах»¹. Однако уподобление и расподобление наблюдаемых явлений служит универсальным средством их познания. Разноязычность сопоставляемых текстов — момент, бесспорно, существенный, но методологически непринципиальный. Наличие сравнительного рассмотрения отдельных фактов в историческом исследовании еще не свидетельствует о «компаративности» его методологии, а если сопоставление не носит исторического характера, то идентифицировать его как компаративистское и вовсе нет оснований.

Современная компаративистика сформировалась под решающим влиянием «Анналов» М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя. И тем не менее в редакционной статье «Анналов» за 1988 год вновь был сформулирован призыв «более глубоко разработать компаративный метод, о необходимости которого говорится постоянно, но который применяется лишь в виде исключения»². Нижеследующие очерки — один из возможных откликов на этот призыв, разрабатывающий дискурсоведческую проблематику современной (неклассической) риторики и коммуникативистскую типологию модусов сознания как Мы-, Он-, Я- и Ты-ментальностей.

---

¹ Западное литературоведение XX века. Энциклопедия. М., 2004. С. 188.

² «Анналы» на рубеже веков. Антология. М., 2002. С. 13.

Одновременно предлагаемая вниманию читателя книга — отклик на призыв моего давнего студенческого друга Михаила Эпштейна освободиться от страдающего зависимостью “пост” мышления, воспринять современность не «под знаком “пост”», а «как “прото”, как подступ к новой эпохе, набросок новой культурной формации»³.

Разрабатываемая в ответ на эти призывы версия неориторики в основе своей ориентирована на «реонтологизацию» гуманитарных исследований и методологически противостоит агрессивному «ниспровержению онтологического фундамента рациональной науки»⁴, осуществляемому деконструкционистской эпистемологией Жака Дерриды, его единомышленников и эпигонов. В отличие от Дерриды, последовательно отрицавшего возможность своей «грамматологии» как науки, находятся продолжатели, придающие «проекту грамматологии статус научного знания», усматривая в этом «процедуру делегитимации научного статуса филологии» и отводя ей место «в ряду тех наук прошлого, исторический факт существования которых может вызывать сегодня разве что антропологический интерес»⁵. Подчеркну, что развиваемая мною версия неориторики при всей своей инновационности подобного отношения к филологической традиции решительно не приемлет.

Книга делится на два раздела. Первый составили очерки теоретического содержания, включая разработку риторических характеристик самого теоретизирования. Здесь предлагается обоснование неориторики коммуникативных стратегий, ведению которой подлежат — в конечном счете — не только вербальные, но и иные сферы и способы коммуникативного взаимодействия людей. Специальное внимание было уделено возможностям неориторического подхода к некоторым актуальным нарратологическим проблемам: событийности и анаративности.

Во втором разделе представлены опыты компаративно-дискурсного анализа. Тексты разнообразной природы рассматриваются как явления дискурсивных практик⁶ общения, принадлежащих к

---

³ Эпштейн М. Н. Постмодерн в русской литературе. М., 2005. С. 466.

⁴ Урусов Д. С. Грамматология. Т. 1: Нарратология. Липецк, 2009. С. 203.

⁵ Там же. С. 196, 205.

⁶ Следует, по-видимому, оговорить и подчеркнуть нетождественность часто используемых в книге слов «дискурсный» (относящийся к дискурсу как результату, — например, дискурсный анализ) и «дискурсивный» (относящийся к дискурсу как процессу, — например, дискурсивная практика).

различным типам ментальности. Автор надеется, что неоднократное применение вводимых в теоретическом разделе категорий на весьма разнородном материале поможет терпеливому читателю освоиться в кругозоре компаративной риторики.

Существенное место в очерках второго раздела отведено неориторической трактовке художественных и, в частности, стихотворных текстов, чей статус в культуре длительное время представлялся столь своеобразным, что выводил их за рамки классической риторики, требуя для себя поэтики. Художественная словесность являет собой высшую форму вербально-коммуникативной культуры. Поэтому аналитический опыт, накапливаемый в исследованиях художественного письма, обладает значительным эвристическим потенциалом при обращении к дискурсам иного рода. Тем более что обсуждаемые в книге дискурсные формации едины для самых различных сфер и практик текстообразования.

Очерки — не главы, хотя они концептуально едины и располагаются в неслучайной последовательности. В принципе их можно читать по отдельности и почти в любом порядке. Особое положение среди них принадлежит очерку четвертому, где эксплицируется система категорий, составляющая аналитический инструментарий всех последующих исследований. Этот инструментарий сведен для наглядности в «Сопоставительную таблицу дискурсных формаций».

Относительная автономность очерков вынуждала иногда прибегать к повторам, в особенности, некоторых ключевых цитат, если они представлялись действительно необходимыми и в одном, и в другом контексте. Особенно часто цитируется М. М. Бахтин, продолжением «металингвистических» поисков которого мне представляются предлагаемые вниманию читателя очерки. Для экономии места ссылки на работы Бахтина из Собрания сочинений в 7 томах (издание ИМЛИ) даются не в сносках, а непосредственно в тексте: в скобках указываются том (первая цифра) и страницы (последующие цифры); ссылки на издание «Эстетика словесного творчества» (М., 1979) сокращенно обозначаются, как это принято, ЭСТ; на «Вопросы литературы и эстетики» (М., 1975) — ВЛЭ. Курсив во всех цитатах принадлежит Бахтину и другим цитируемым авторам.

Завершить это краткое предисловие я хочу словами благодарности Институту филологии Сибирского отделения РАН, где я имел честь когда-то работать, и его директору чл.-корр. РАН Е. К. Ромодановской — за поддержку в издании данной книги. А еще я душевно признателен моим соратникам по альманаху «Дискурс» И. В. Силантьеву, Ю. Л. Троицкому и Ю. В. Шатину (приобщившему меня к неориториче-

ке), моим зарубежным, но духовно близким коллегам Александру К. Авеличеву, М. М. Гиршману, Игорю П. Смирнову и Вольфу Шмиду, коллегам по кафедре и давнишним близким друзьям Н. Д. Тamarченко и М. Н. Дарвину, а также, увы, уже покойным Г. А. Белой, С. Н. Бройтману, Э. А. Бальбурову. Дружба и, по слову Бахтина, «диалогические отношения» со всеми этими столь различными людьми существенно повлияли на течение мысли, приведшее к появлению предлагаемых очерков.

И, наконец, я приношу свою самую глубокую благодарность всем моим ученикам и слушателям читавшихся мною курсов, студентам, аспирантам, докторантам. Ибо поистине первична в науке фигура Ученика, то есть вопрошающего. Во всяком случае, о себе могу с уверенностью сказать, что без возможности, необходимости и потребности объяснять другим приходившие в голову соображения, я бы многого не осознал и не осмыслил из того, что здесь записано.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Очерк первый

Менталитетная компаративистика

Курс истории не показывает нам становления вещей,
чуждых нам, а показывает становление нас самих.

Гегель

1

Предмет всякого исторического познания — присутствие человека в мире. Таково содержание историзма Нового времени от Вико и Гегеля до Ясперса, размышлявшего об историчности как конечности (временности) человека в бесконечности (вечности) универсума, и до «новых историков», возвращающих историографию в лоно беллетристики. Время человеческого присутствия в мире (История) — это время, обладающее смыслом, и потому подлежащее интерпретации, антропному (гуманитарному) пониманию. Вследствие этого, как замечает Хейден Уайт, мы неизбежно вынуждены «выбирать между конкурирующими интерпретативными стратегиями при любой попытке рефлексии над историей-в-целом»¹.

Человек как ключевой фактор истории — феномен амбивалентный. Он есть одновременно: а) закономерное явление природы и б) свободное (самоопределяющееся в своей индивидуальности) явление духа (сознания). Вследствие этой двойственности методологическое поле «конкурирующих интерпретативных стратегий» историзма располагается между двумя полярными доктринами: доктриной *событийности* (история — казусная цепь необратимых и непредсказуемых событий) и доктриной *процессуальности* (история — непреложный в своей закономерности процесс развития).

---

¹ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002. С. 20.

Обеим этим доктринам компаративный подход к явлениям истории чужд. Первая доктрина предполагает окказиональность исторического процесса и не оставляет места для глубоких сравнений: ряды случайностей несопоставимы. Вторая — предполагает всеобщность законов истории и делает глубокие сравнения излишними: различия будто бы затрагивают лишь поверхностные проявления чего-то принципиально однородного.

С точки зрения идиографической доктрины событийности, понятие законосообразности не применимо к ходу Истории, что утверждалось, в частности, Генрихом Риккертом, а позднее Карлом Поппером. В отличие от процесса событие, то есть «то, что могло произойти по-другому»², неотделимо от позиции (точки зрения) интерпретатора. По характеристике М. М. Бахтина, «главное действующее лицо события — свидетель и судия» (ЭСТ, 341).

Следование доктрине событийности ведет к нарративизации исторического знания, тогда как классический научный дискурс, сформировавшийся в науках о природе, анарративен. «Учитывая протонаучную природу исторического исследования», Уайт предлагает историку ограничиваться в своих высказываниях нарративной модальностью и тем самым «избежать опасностей «сциентизма» — лицемерного подражания научному методу и неправомерного присвоения авторитета науки»³.

Нарративный дискурс свое референтное содержание (ход событий) не обобщает, а напротив, индивидуализирует, связывая факты некоторой «интригой». Обобщение здесь присутствует имплицитно в качестве картины мира, составляющей фон происходящего (с избранной нарратором точки зрения), поскольку событие как «значимое отклонение от нормы [...] зависит от понятия нормы»⁴. Доктрина событийности по сути своей означает возврат историографии к ее риторическому (донаучному) пониманию: в контексте классической риторики деятельность, вдохновляемая музой Клио, была нарративным ремеслом (техне) рассказывания о событиях прошлого.

С позиций номотетической доктрины процессуальности, напротив, события — это всего лишь «пена» Истории. «В бездонной тьме прошлого, — писал, например, Фернан Бродель, — действовал все же более или менее последовательный своего рода физический закон»⁵.

² Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. М.; СПб., 2000. С. 115.

³ Уайт Х. Метаистория. С. 40.

⁴ Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970. С. 283.

⁵ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1. М., 2002. С. 215.

Поэтому «при всем своем очаровании города Средиземноморья похожи на другие и подчинены тем же закономерностям. Как и все остальные, они живут за счет покорения пространства с помощью сбегающих к ним дорог»⁶ и т. д. С точки зрения школы «Анналов», от ее основателей до современных продолжателей, все «собственно историческое» является эволюцией, «неравномерной, необратимой, непредсказуемой и предопределенной [...] Анализировать это движение — единственный способ отказаться от убогого событийного повествования»⁷.

Изучение Истории как процесса ориентировано на основополагающий критерий научности, сформировавшийся в Новое время: на воспроизводимость результата в опыте других исследователей. При этом следование доктрине процессуальности ведет к анарративной модальности научного дискурса, предполагающей изложение не того, как было однажды, но того, как вообще бывает в аналогичных ситуациях. Такое изложение редуцирует событийную «пену» индивидуальных подробностей и реализует соответствующую — экспликативную, объяснительную — стратегию интерпретации фактов: «Хорошая историческая книга — это система прочно связанных между собой экспликативных положений»⁸. В конечном счете, доктрина процессуальности ведет к растворению историографии в теоретической науке, исследующей сущность явлений, а не их существование.

Невозможно, однако, отрицать известную долю адекватности обеих доктрин трактуемой ими исторической реальности. Уайт, например, убедительно говорит о «взаимно исключающих, хотя и равно законных интерпретациях» одних и тех же фактов и как «ряда исторических событий», и как «сегмента исторического процесса»⁹.

Дело, по-видимому, в том, что *взаимодополнительность* процессуальности и событийности составляет фундаментальную онтологическую характеристику как исторической реальности в целом, так и каждого наималейшего «кванта» исторического опыта в частности. Из осознания такой взаимодополнительности вытекает отмечаемая И. П. Смирновым современная тенденция к «совмещению континуального моделирования истории с дискретным»¹⁰.

⁶ Бродель Ф. Указ. соч. С. 430.

⁷ «Анналы» на рубеже веков. Антология. М., 2002. С. 17.

⁸ Там же. С. 19.

⁹ Уайт Х. Метаистория. С. 493.

¹⁰ Смирнов И. П. Социософия революции. СПб., 2004. С. 334.

Здесь можно говорить о существенной аналогии с физической взаимодополнительностью, выражаемой принципом соотношения неопределенностей Вернера Гейзенберга. Доминирование корпускулярных или волновых свойств в поведении микрочастицы зависит от исследовательской позиции наблюдателя, но ни одна из этих сторон не может быть вполне элиминирована. То же самое можно сказать и о событийно-процессуальной двойственности исторических явлений.

С аналогичной двойственностью своего предмета имеет дело и психология, в частности, социальная (социокультурная). «Несомненно, — полагает Джеймс Верч, — существуют как универсальные, так и специфически социокультурные черты человеческой психики, и это не просто выбор между здоровыми и ошибочными допущениями, — скорее это выбор между двумя различными программами исследований, и обращаться надо к ним обеим, а по возможности и объединять их»¹¹.

Противостояние указанных доктрин питает затянувшийся на целое XX столетие кризис историзма. Поиск равновесия между процессуальностью и событийностью демонстрируют «Анналы» последнего периода, определяя «предмет истории» как «процессы, в пределах которых социальные персонажи заново определяют устройство социума — сообразно с тем, что они предполагают сделать и делают»¹². Иначе говоря, История мыслится законосообразным процессом, в лоне которого людьми совершаются инициативные деяния событийного характера.

Итак, усмотрение взаимодополнительности универсального и уникального в исторической реальности составляет исходную позицию современной компаративистики — этого «третьего» пути между Сциллой идиографии и Харибдой номотетики.

2

Европейское историческое мышление Нового времени зародилось как исходно компаративное, сформировав понятие исторического процесса в качестве специфически человеческой формы эволюции. Этому посвящены важнейшие метаисторические рефлексии XVIII столетия от «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) Джамбатисты Вико до «Идей о философии истории человечества» (1774) Иоганна Г. Гердера.

Решающей вехой возникновения компаративистики можно считать 1820 год, когда Вильгельм фон Гумбольдт выступил со своим

---

¹¹ Верч Дж. Голос разума. М., 1996. С. 16.

¹² Там же. С. 18.

классическим докладом «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития», где сформулировал фундаментальную интенцию компаративного языкознания: «Сравнение языков может показать, каким различным образом человек создал язык и какую часть мира мыслей ему удалось перенести в него, как индивидуальность народа влияла на язык и какое обратное влияние оказывал язык на нее. Ибо язык и постигаемые через него цели человека вообще, род человеческий в его поступательном развитии и отдельные народы являются теми четырьмя объектами, которые в их взаимной связи и должны изучаться»¹³.

Следует подчеркнуть, что открывшееся европейской науке грандиозное многообразие национальных языков не отменяло для Гумбольдта проблемы человеческого языка как явления единого по своей глубинной духовной сущности. Но утвердившийся в науке XIX века позитивизм, избегая небесспорных обобщений, сосредоточился на внешнесобытийной стороне исторической реальности, не на общих, а на частных и преходящих целях человеческой жизнедеятельности. Отказавшись от идеи «рода человеческого в его поступательном развитии», сосредоточившись на многообразии «отдельных народов» и казусах их межкультурных связей и отношений, позитивистская компаративистика ограничила открывшуюся ей сферу познания горизонтом фактографии межнациональных контактных взаимодействий: влияний и заимствований.

Принципиальное значение для углубления сравнительно-исторической методологии имели многочисленные компаративные изыскания по этнографии и антропологии, прежде всего — «Исследования в области древней истории человечества» (1865) и «Первобытная культура» (1871) Эдварда Б. Тайлора, а позднее «Золотая ветвь» (1890) Джеймса Дж. Фрэзера.

Решительный и продуктивный шаг в сторону преобразования позитивистской компаративистики был осуществлен А. Н. Веселовским. Открывая в Санкт-Петербургском университете кафедру истории всеобщей литературы, Веселовский в лекции «О методе и задачах истории литературы как науки» характеризовал «сравнительный» метод как «развитие исторического». Под «историческим» он в духе своего времени разумел генетический подход, рассматривающий происхождение литературного произведения как по отношению к национальной традиции, так и по отношению к инокультурным влияниям. Путь, который приведет Веселовского к построению исторической

¹³ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 311.

поэтики, — это «тот же исторический метод, только учащенный, повторенный в параллельных рядах, в видах достижения возможно более полного обобщения»¹⁴. Ориентируясь на успехи сравнительно-исторического языкознания, Веселовский утверждал в своей инаугурационной лекции «возможность изучать сходные явления в нескольких параллельных рядах фактов», вследствие чего «характер прежних обобщений не только должен был сделаться полнее, но и во многих случаях радикально измениться»¹⁵.

Выдвинутая Веселовским категория *параллельных исторических рядов* — поистине ключевая эпистемологическая категория современной компаративистики. Понятие исторического «ряда» предполагает *событийную преемственность* фактов национальной истории, а понятие исторического «параллелизма» — *процессуальную стадийность* таких рядов.

Рассуждая с этих методологических позиций, «эпистемологический минимум» компаративности составляют не два текста и не два народа, — а два параллельных исторических ряда, разноречивых или в национально-лингвистическом, или в дискурсно-семиотическом отношении. Разумеется, они могут быть соотнесены и при сопоставлении всего лишь двух текстов, но тексты при этом должны рассматриваться как органические звенья двух исторически параллельных рядов культурной эволюции.

Компаративизм как срединный путь познания — между эмпиризмом и теоретизмом — это больше, чем метод. Это вызревавшая на протяжении трех столетий стратегия преодоления суммативного фактографизма разрозненных национальных историй, с одной стороны, и нормативного универсализма (европоцентризма) — с другой. В первом отношении компаративная стратегия противостоит «генеалогической историографии» (Юрген Хабермас), для которой объяснить исторический факт означает вписать его в уникальную цепочку предшествовавших событий. Во втором отношении она противостоит стратегии «теоретизма», отождествляющей объяснение с отвлеченной от эмпирики систематизацией.

Постпозитивистская компаративистика предполагает типологическое рассмотрение всякого исторически значимого факта во всемирно-историческом контексте. Она смещается в сторону глобалистики, делая объектом исторического познания — в конечном счете — ноосферу Земли в ее специфически человеческом эволюционировании.

---

¹⁴ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989. С. 37.

¹⁵ Там же. С. 38.

Есть весьма серьезные основания рассматривать компаративистику такого рода как гуманитарную версию синергетики — теории открытых (неустойчивых) динамических систем, обосновывающей *вероятностную* картину бытия (в противовес фатальной и окказиональной картинам). Будучи междисциплинарной научной стратегией физико-математического происхождения, которая «приводит к глубоким изменениям в понимании нашего познавательного отношения к природе»¹⁶, синергетика последовательно избегает «драматической альтернативы между слепыми законами и произвольными событиями»¹⁷. Эту «новую форму познаваемости» Илья Пригожин мыслит как срединный путь «между двумя противоположными картинками — детерминистическим миром (законосообразных процессов. — В. Т.) и произвольным миром чистых событий. Реальный мир управляется не детерминистическими законами, равно как и не абсолютной случайностью [...] Вероятностные представления оперируют с возможностью событий, но не сводят реальное индивидуальное событие к выводимому, предсказуемому следствию»¹⁸. «Выступая в качестве современной (постдарвиновской) парадигмы эволюции, синергетика может дать общие ориентиры для моделирования [...] процессов в сложных социоприродных системах»¹⁹, где «имеют место блуждания, но не какие угодно, а в рамках вполне определенного поля возможностей»²⁰.

С позиций постпозитивистского компаративного мышления, ищущего и выявляющего, по выражению Веселовского, «границы личного почина» во всяком феномене культуры, степень инновационности уникального исторического *события* ограничивается двоякой *процессуальной* принадлежностью данного момента Истории:

а) к определенной традиции (прецеденты в прошлом данной исторической общности людей);

б) к определенной стадии исторического процесса (прецеденты в параллельно развивающихся исторических общностях людей).

Иными словами, для компаративизма в его синергетическом понимании событийно-личностная *инновационность*, историко-генетическая *традиционность* и процессуальная *стадиальность*

---

¹⁶ Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М., 1999. С. 51.

¹⁷ Там же. С. 263.

¹⁸ Там же. С. 262.

¹⁹ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. СПб., 2002. С. 163.

²⁰ Там же. С. 48.

исторического поведения (актов присутствия человека в Истории) составляют систему координат спектра вероятности исторических изменений. Событийный аспект истории состоит в практической реализации одного из вероятных сценариев исторической процессуальности (в частности, стабильная динамика, стагнация, деградация, революционный скачок). «Исследования на синергетических моделях показали, что в фазе неустойчивости сценарии дальнейшего развития умножаются, и существенно увеличивается роль случайностей, в том числе индивидуальных качеств лидеров, волевых решений и т. д. Но при этом может произойти не «все что угодно»: число сценариев (аттракторов, или параметров порядка) *конечно*»²¹.

Стратегический характер компаративистики порождается фундаментальностью решаемой ею научной *проблемы*.

Современная парадигма научности такова, что вопрос о предмете познания в данной дисциплине (столь важный на стадии становления, размежевания, самоопределения гуманитарных наук) отодвигается на второй план перед вопросом об актуальной для нее научной проблематике. Последняя же все чаще оказывается междисциплинарной, лежащей на пересечении двух или нескольких сфер научного познания. Именно такова компаративистская проблема.

Базовая научная проблематика сравнительно-исторического подхода, разрабатывавшегося компаративизмом позитивистской направленности, свелась к весьма поверхностной проблеме «взаимного ознакомления народов» (М. П. Алексеев). Следуя же компаративной стратегии, актуальной для эпохи глобализации, мы выходим в качестве генеральной научной проблемы компаративистики на проблему *единства и многообразия человечества*, которая была сформулирована еще Гумбольдтом в его проекте сравнительно-лингвистической антропологии.

Именно эта проблема — на материале литературной эволюции — ставилась и решалась исторической поэтикой А. Н. Веселовского, вольно или невольно следовавшего «завету» Гумбольдта: «переходить от фактов и внешних проявлений к общим свойствам, а от них — собственно к внутренней сущности»²². Этот последний — теоретический — шаг, неприемлемый для позитивиста, Веселовским был сделан при построении исторической поэтики. Основную задачу

---

²¹ Назаретян А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации. М., 2008. С. 201.

²² Гумбольдт В. План сравнительной антропологии // Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 330.

исторической поэтики ее основатель видел в том, чтобы «из явлений исторической эволюции поэзии», наблюдаемых в параллельных асинхронических рядах и обобщаемых на этом основании, «отвлечь законы поэтического творчества»²³.

Из стратегической проблемы компаративизма вытекает стратегическая *цель* выявления стадиально-типологических схождений асинхронных исторических потоков, обладающих аналогичной внутренней последовательностью своего развития. Тогда как исторические «влияния» и «заимствования», причисляемые обычно к предмету компаративистских исследований, будучи казусными событиями, по сути своей принадлежат к сфере интересов нарративной историографии. Современная же компаративистика — область *типологического* знания, прибегающего к метанарративной дискурсии.

Достижение сформулированной цели в свою очередь требует от компаративистики решения стратегических *задач*:

а) обнаружения единого основания для сопоставлений параллельных исторических рядов, то есть выявления «универсалий культуры человечества»²⁴;

б) построения стадиальной периодизации социокультурного процесса на этом основании;

в) разработки адекватного междисциплинарного метаязыка анализа и обобщения компаративно постигаемых фактов.

Сравнительно-типологическая периодизация несинхронных исторических потоков (параллельных исторических рядов) культурной эволюции возможна на различных основаниях, в частности:

политическом (Франсуа Гизо в 1820 г. читает первый курс компаративной истории о политических системах Англии, Франции и Испании);

экономическом (теория экономических формаций Маркса);

этнологическом, или биосоциальном (концепция этногенеза Льва Гумилева);

источниковедческом (школа А. С. Лаппо-Данилевского);

ментальном.

В последнем случае «решающее значение для понимания культуры приобретает [...] то, как она представлена на личностно-мотивационном уровне индивидуального сознания, [...] где мысль не исчерпывается одной лишь логической своей стороной», но «обна-

²³ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. С. 299.

²⁴ Лотман Ю. М. О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры. СПб., 2002. С. 112.

руживает себя как живое переживание, [...] наполненное аффективными элементами»²⁵. Разумеется, «обнаруживать» себя ментальность может лишь в текстах (вербальных и невербальных) социокультурного человеческого поведения. С этой точки зрения История предстает как жизнь сознания в семиотических формах культуры.

В частности, экономические формы собственности или политические формы управления социумом — такие же культурно-семиотические формы исторической реальности, как и формы письма. Трудно отрицать, что любому человеческому деянию, приобретающему в момент свершения или впоследствии историческое значение, предшествует (далеко не всегда отрефлектированный) ментальный акт. Он манифестируется социокультурным поведением людей, вступающих в коммуникацию: порождающих и воспринимающих тексты. В этом смысле историческая реальность есть всечеловеческий (глобальный) гипертекст, сотканный из ментальных актов человеческого сознания.

3

Категория ментальности была введена в научный обиход американским философом Ральфом Эмерсоном в 1856 для характеристики цельности души как источника ценностей. После переворота, совершенного в исторической науке школой «Анналов», категория ментальности служит для осуществления целостного подхода к духовной (интеллектуальной, эмоциональной, ценностной, поведенческой) ориентации в мире субъекта истории — как коллективного, так и индивидуального. По своему содержанию она представляет собой системное единство: ценностных интенций сознания; интеллектуальных категорий; микросценариев мышления (фреймов); стереотипов эмоциональных и поведенческих реакций; а также культурных кодов, обеспечивающих когерентность (связность, взаимообусловленность) перечисленных сторон духовной жизни.

Ментальность может быть этнокультурной (национальной), или региональной (охватывающей соседствующие этносы региона), или субкультурной (характеризующей те или иные социокультурные подразделения этноса), или мегакультурной (свойственной целым историческим эпохам в жизни многих этносов, например, европейского средневековья). Это чрезвычайно существенная характеристика любого социума, поскольку в качестве социокультурного субъекта истории человек принадлежит не столько объективному миру, сколько интер-

---

²⁵ Романов В. Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М., 1991. С. 120.

субъективной картине мира, творимой той или иной ментальностью. Оставаясь телесно в мире физическом и бытовом, духовно человек пребывает в коррелятивной его сознанию картине мира. Поскольку это духовное измерение существования и составляет специфику человека как предмета гуманитарно-научного познания, постольку разработка стадияльной периодизации исторического развития на ментальных основаниях обладает несомненными преимуществами.

Эволюция (саморазвитие жизни на планете)²⁶ — в противоположность событийности революций — закономерный процесс, не нуждающийся в фигуре «свидетеля и судии». Эволюционный подход к социокультурным явлениям жизни, по словам Ричарда Рорти, «позволяет нам думать о “нашем языке”, т. е. о европейской науке и культуре XX столетия, как о чем-то, что приобрело оформленность в результате сотен мелких мутаций, нашедших свои ниши (и миллионов других, не нашедших их), как и в случае с орхидеями и антропоидами»²⁷. Однако человеческая стадия эволюции — История — стадия совершенно особая: это эволюция самого сознания, эволюция его интенциональности — ментальная эволюция ноосферы.

Исходя из этого, можно с уверенностью утверждать, что история ментальностей (Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби, Р. Мандру и др.), т. е. социокультурная «реконструкция духовных процессов» (У. Раульф), или, по формуле М. Вовеля, «история установок, форм поведения и бессознательных коллективных репрезентаций»²⁸ открывает далекие и многообещающие перспективы современного компаративизма. Сюда же следует причислить менталитетную культурологию Й. Хейзинги, М. М. Бахтина, Ж. П. Вернана, Э. Панофски и др.

Базовая характеристика любой исторически конкретной ментальности — доминирующий модус сознания, или вектор интенциональности (смыслополагающей направленности духовной жизни). Предлагаемая ниже типология менталитетов в известной степени сродни вычленению Уайтом «четырех главных модусов исторического сознания», каждый из которых «обеспечивает основание для языкового протокола, посредством которого [...] могут быть использованы специфические стратегии исторической интерпретации»²⁹.

²⁶ В эпистемологическом отношении идея эволюции вовсе не исключает идеи креативного божественного начала, открывающего эволюционные пути перед сотворенной им реальностью (см.: *Teilhard de Sharden P. Le phénomène humain // Teilhard de Sharden P. Oeuvres. T. 1. Paris, 1955*).

²⁷ *Rorty R. Contingency, Irony and Solidarity. Cambridge, 1989. P. 16.*

²⁸ *Vovelle M. Ideologies et mentalités. Paris, 1990. P. 5.*

²⁹ *Yáim X. Метаистория. С. 19.*

В трактовке ментальных типов я опираюсь на фундаментальную эволюционистскую идею глубинного соответствия между онтогенезом и филогенезом. По мысли Л. С. Выготского, всё, составляющее этап «в культурном развитии ребенка, появляется на сцену дважды, в двух планах. Сперва [...] между людьми как категория интерпсихическая, затем — внутри ребенка как категория интрапсихическая»³⁰. Я исхожу при этом не из простого «повторения в онтогенезе исторических фаз», но из того, что «онтогенез — не только следствие филогенеза, но и его предпосылка [...] Филогенез и есть исторический ряд онтогенезов»³¹. Как замечает И. П. Смирнов, «если бы у отдельной личности не было истории становления, истории не было бы и у того, что создается личностями, — у культуры»³².

Однако, в отличие от автора «Психодиахронологии», я иду не от фрейдизма, трактующего стадии развития собственно психики, но от учения Л. С. Выготского, предлагающего картину психологического становления сознания, которая предполагает неизбежные ментальные кризисы. Тем самым я предпринимаю попытку осуществления проекта, сформулированного Полем Рикёром: «Если исходить из того, что психоанализ является археологией субъекта, то задача рефлексивной философии после Фрейда будет состоять в диалектическом присоединении телеологии к этой археологии»; такая «телеология субъективности» представляется Рикёру как «последовательно развивающаяся конструкция фигур духа»³³.

История человеческой цивилизации (социальный филогенез) и становление индивидуальной личности (психологический онтогенез) в их взаимосоотнесенности позволяют выделить четыре такие «фигуры» — четыре фундаментальных состояния человеческого духа. Это четыре модальности самоидентификации субъекта. Они различаются ценностными установками и вытекающими из этих установок мотивациями поведения.

И. Роевой *Мы-менталитет*³⁴ (статусно-роевое, анонимное сознание) предполагает дорефлексивную самоидентификацию индивида с

---

³⁰ *Выготский Л. С.* История развития высших психических функций // Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1983. С. 145.

³¹ *Шмальгаузен И. И.* Избранные труды: Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии. М., 1982. С. 65, 68.

³² *Смирнов И. П.* Психодиахронологика: Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М., 1994. С. 9.

³³ *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. М., 1995. С. 376.

³⁴ Здесь и далее, пользуясь личными местоимениями как понятиями для обозначения векторов ментальности, я имею в виду, в частности, следующие

некоторой общностью индивидов: субъект жизни как «один из многих». Поле этого сознания горизонтально-плоскостное и ацентричное, вследствие чего оно аксиологически амбивалентно. Не обладая ценностным центром и не руководствуясь шкалой отношений центра/периферии, оно функционирует в ценностных границах «своего» («нашего») и «чужого». Ментальный вектор ценностных реакций и поведенческих стереотипов такого сознания — вектор покоя (устранения факторов риска, тревоги, озабоченности), ориентирующий социальное бытие в направлении квиетизма и конформизма, порождая *миметическую* (подражательную) мотивацию поведения, — в частности, коммуникативного, что наиболее существенно для проблематики дискурсных формаций.

В рамках этой архаической ментальности, как писал Б. Ф. Поршнев, «реально существующая общность, взаимосвязь индивидов ощущается каждым из них посредством той или иной персонификации (тотемные животные, мифологические герои и т. п. — *В. Т.*) либо посредством различных обрядов, обычаев, подчеркивающих принадлежность “нас” к данной общности в отличие от “них”»³⁵. Роевое сознание современных этнических, возрастных или иных стихийно интегрирующихся меньшинств (например, футбольных фанатов) — это сознание мифологического типа, для которого «характерна специфическая форма самоидентификации личности через экзистенциальное слияние с группой, что соответствует такому уровню развития общества, когда личность еще не в состоянии выделиться из группы. Личность, не имеющая представлений о своей безотносительной ценности, находит себя в идентификации с группой», чем обеспечивается чувство «защищенности перед действительностью, представляющей себя чужой и враждебной»³⁶.

II. *Ролевой Он-менталитет* (нормативно-ролевое, авторитарное сознание) предполагает отношение к самому себе как бы в тре-

---

щую мысль Ойгена Розенштока-Хюсси: «Основополагающее значение речи по сей день состоит в том, что она воплощает различные состояния человека в различных формах высказываний. Как *он*, как *я*, как *ты*, как *мы* — один и тот же Чарльз Уильям Джонс ведет разный образ жизни». В другом месте мыслитель говорил: «Мы применяем один и тот же язык к четырем состояниям сознания» (*Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М., 1994. С. 118, 68*).

³⁵ Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1972. С. 327.

³⁶ Новиков О. Г. Активизация этнорасовой идентичности в период социокультурного кризиса // Человек, этос, культура в ситуациях общественных переломов. М., 2001. С. 19—20.

тьем лице: самоидентификацию индивида с некоторой сверхличной заданностью — с ролью в миропорядке, с функцией сакрально-онтологической структуры бытия (долгом, предназначением). Это личностное сознание, характеризующееся рефлексивностью начальной степени, предметом которой выступает функциональность субъекта жизни. «В более наивном сознании, — писал Бахтин, — где еще не дифференцировалось *я-для-себя* сполна (в культурном плане — античное сознание), я [...] никогда до конца не верю, что я есмь только то, что я действительно есмь здесь и теперь, я восполняю себя из предстоящего, должного» (ЭСТ, 111). Поле такого сознания упорядочено вертикально: оно иерархично и моноцентрично. Самоопределяясь в рамках директивной системы ценностей и отождествляя себя с ролью в миропорядке, «я» располагается на большем или меньшем ступенчатом отстоянии от императивной вершины бытия, где локализован «центр тяжести моего самоопределения» (там же). Оно обретает себя в промежутке между центром и «краем» мира, за которым начинается неприемлемая для этого менталитета маргинальность.

Такая ментальность порождает *регламентарную* мотивацию поведения, направляемую ценностным вектором долженствования (по отношению к власти, порядку, каноническому образцу, регламентированности человеческих отношений, легитимности мыслей и переживаний). Забота о соответствии/несоответствии занимаемому месту в миропорядке не оставляет ролевую личность и нередко проявляется как регламентирующая требовательность к жизнедеятельности окружающих.

III. *Дивергентный Я-менталитет* (автономное, радикально индивидуализированное сознание) предполагает самоидентификацию личности с содержанием собственного самосознания: «я» как «единственный» (рефлексивность второй степени, предметом которой является самость субъекта жизни). Согласно принадлежащей Гёте формуле рефлексивной самодостаточности: «я для себя всё»³⁷. Такого рода сознание творит эгоцентричную, не скоординированную извне, нелинейную картину мира. По утверждению Канта, «порядок и закономерность в мире явлений, которые мы называем природой, мы вносим в него сами»³⁸.

---

³⁷ Цит. по: *Кемпер Д.* Гёте и проблема индивидуальности в культуре эпохи модерна / Пер. А. И. Жеребина. М., 2009. С. 23.

³⁸ *Kant I. Werke in sechs Bänden.* Darmstadt, 1998. В. II. S. 179 (Перевод А. И. Жеребина).

С позиции Я-ментальности личность суверенно обладает своим сознанием, которое мыслится такой же человеческой способностью, как зрение, слух, мышление. Поле этого «уединенного» (по слову Вяч. Иванова) сознания, где другому человеку, как и всякому объекту, отводится некоторая служебная значимость, созерцается с позиции центра: вокруг моего «личного существования лежит окраина существования почти безличного»³⁹. Ценностной границей здесь оказывается альтернативность суверенного мира субъекта всем иным возможным мирам, поскольку всякое не-я для уединенного сознания не обладает собственной семантикой: оно — всего лишь порождение моего я, как утверждал немецкий романтик Новалис.

Если действительные социальные отношения, в которые субъект дивергентной ментальности вступает, не способствуют реализации его «наполеонических» претензий на центральное местоположение в мире, он оказывается в позиции внутренней (а нередко и внешней) маргинальности к миру «других». Ценностный вектор такого самоутверждающегося сознания — вектор свободы (не как «познанной необходимости» нормативно-ролевого сознания, а как вольности самопроявлений, эпатажного самовыражения, индивидуального произвола). Альтернативность дивергентного «я» всем «другим» предполагает *провокативную* мотивацию девиантного поведения, отклонения от бытующей нормы.

Контравторитарность уединенного сознания питает критическое отношение к действительности и культуре и формирует критическое мышление, которое после Канта становится для европейцев ведущей стратегией интеллектуальной жизни. В то же время ограждение собственной свободы от посяганий извне закономерно приводит последовательных носителей зрелого Я-сознания к толерантности в отношении к инаковости других. Суть такой толерантности в признании того, что мои воззрения на жизнь приемлемы только для меня одного и не могут быть навязываемы другим.

IV. *Конвергентный Ты-менталитет* (радикально диалогизированное сознание) предполагает способность «я» мыслить себя во втором лице: как «ты» для окружающих, как «разного для разных» (но с сохранением автономного ядра личности, удерживающего ее ипостаси от шизофренического расщепления). Ментальная «доминанта на другое лицо» (А. А. Ухтомский)⁴⁰ представляет собой реф-

³⁹ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. С. 121

⁴⁰ «Следует культивировать и воспитывать доминанту и поведение “по Копернику” — поставив “центр тяготения” вне себя, на другом: это значит

лективность третьей степени, предмет которой — коммуникативная компетентность субъекта, идентифицирующего себя как «второго» по отношению к кому-то «первому». «Ведь он, — как замечает Бахтин, — не первый говорящий, впервые нарушивший вечное молчание» (ЭСТ, 247). Полю этого транссубъективного сознания присуща полицентричность, при которой «я» составляет лишь один из множества ее центров: «Здесь все хотят увидеть всех» (Осип Манделъштам). Нелинейная картина мира формируется в этом случае не единственностью «я», а множественностью «других» (не сливающихся в «референтную группу» анонимного или авторитарного сознаний) и в принципе не знает границ.

Конвергентное «я» реализует себя не в ролевом исполнении и не в акте самоутверждения, а в «диалоге согласия» (Бахтин) с иными субъектами жизни. Мысля многочисленные ценностные центры бытия как интерсубъективные точки схождения (но не слияния), такой менталитет ведет к *сопричастности* как мотивации поведения. Такая личность стремится не к самоутверждению, а к самореализации — к осуществлению во внешней данности межличностных отношений некоторой внутренней заданности (виртуальной возможности себя самой, своей самости). Ценностным вектором самореализации (превращения «я-для-себя» в «я-для-другого») выступает вектор ответственности. Последняя предполагает не обязанность служения, ролевого долженствования, но свободное самоограничение личной свободы ради неподавления свободы другого.

Эммануэль Левинас, как ранее это делал Бахтин, связывает фундаментальную способность субъективности к моральной ответственности перед другой субъективностью с неустранимой «интерпелляцией» — вопросно-ответной основой человеческого бытия, тайна которого открывается только в событии диалогической встречи Самости с Другим⁴¹. Если отсутствует принуждение давать ответы, то у личности актуализируется внутренняя потребность отвечать на заинтересованность со стороны других (и получать ответы в свою очередь).

устроить и воспитывать свое поведение и деятельность так, чтобы быть готовым в каждый данный момент предпочесть новооткрывающиеся законы мира и самобытные черты и интересы другого “Лица” всяким своим интересам и теориям касательно них» (Ухтомский А. А. Письма // Новый мир, 1973. № 1. С. 255).

⁴¹ См.: *Lévinas E. Totalité et Infini*. Paris, 1961; *Lévinas E. Autrement qu’être ou au-delà de l’essence*. Paris, 1974.

Размышляя в этом же направлении, Юрген Хабермас характеризует конвергентный менталитет через понятие «коммуникативного разума», который «выражается в связующей силе межсубъектного взаимопонимания и взаимного признания, он описывает универсум коллективной формы жизни»⁴².

В ситуациях общественной жизни (общения) ролевой человек сводится к своему возрастному, половому, иерархическому статусу. Ролевой человек выступает некоторой внутренней данностью, предназначенной быть исполнителем, реализатором внешней для нее нормы (заданности); внутренней нормой собственного «я» ролевой человек не обладает. Дивергентный, напротив, реализует свою собственную внутреннюю, экзистенциальную норму («стать самим собой»). Конвергентный же человек исходит из взаимодополнительности внутренней и внешней норм личного существования. В коммуникативном акте единения с Другим ответственность за сохранение достигнутой самобытности дополняется ответственностью перед самобытностью Другого. Такого рода ответственность — это «заботливость» Рикёра, которая «не добавляется к самооценке извне, но разворачивает диалоговое окно самооценки»⁴³.

Первые два типа ментальности характеризуются сверхличной системой ценностей, в рамках которой «незаменимых нет». Для двух последующих личностная уникальность является фундаментальной ценностью жизни. В то же время первый и четвертый типы сближаются установкой на ментальную «соборность» носителей сознания. Тогда как второй и третий характеризует ролевая или индивидуальная размежевательность их самоопределений. Однако в противовес ролевому менталитету, усматривающему во всем «другом» антиценность «чужого», конвергентная ценность «я» основывается на позитивной ценности «другого», отличного от меня. Дивергентное же сознание исходит из абсолютной и безотносительной ценности «я».

Мыслить о перечисленных модификациях человеческой духовности приходится с позиции одной из них, поскольку внережимная метапозиция здесь невозможна. Разворачивая концепцию ментальных оснований социокультурных процессов и событий, я трактую их со стороны конвергентного сознания как наиболее «зрелого» (с эволюционной точки зрения). Рассуждая с этих позиций, решающей характеристикой того или иного типа ментальности является присущий ему концепт «другого».

⁴² Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2008. С. 334.

⁴³ Рикёр П. Я-сам как другой. М., 2008. С. 217.